

УДК 159.923

ББК 88.37

П 31

С.Н. Петросьян

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и социальных коммуникаций Сочинского государственного университета;
E-mail: svpet@mail.ru*

КРИЗИСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена анализу кризисного состояния личности как психологическому феномену. Задачами статьи являются: анализ понятий «кризис» и «кризисное состояние» в понимании отечественных и зарубежных авторов; рассмотрение возрастных кризисов как этапов становления личности; анализ проблемы возрастных и личностных кризисов в категориях постнеклассической рациональности; обоснование способа проживания возрастного кризиса как фактора формирования характерологических особенностей личности. Сделан вывод о том, что кризисное состояние содержит в себе возможность перехода на новый уровень организации личности, в силу диалектической природы эмоционально-поведенческого реагирования в кризисной ситуации как ситуации, связанной с угрозой.

Ключевые слова: личность, кризисное состояние, внутриличностное диспозиционное образование, возрастное характерологическое новообразование.

S.N. Petrosyan

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Department of the General Psychology and Social Communications, Sochi State University;
E-mail: svpet@mail.ru*

CRITICAL STATE OF PERSONALITY AS PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Abstract. The paper is devoted to analysis of the critical state of personality as a psychological phenomenon. The tasks of the article include: analysis of the terms “crisis” and “critical state” as understood by Russian and international authors; review of age-related crises as personality development stages; analysis of age-related and personality crises within the categories of post-non-classical rationality; and substantiation of method for overcoming age-related crisis as a factor of characterological personality features formation. Conclusion is made that the critical state necessarily contains an opportunity of passing over to the new level of personality organization, due to the dialectical nature of emotional behavioral reaction in a critical situation as the one connected with threat.

Keywords: personality, critical state, intrapersonal dispositional formation, age-related characterological newgrowth.

Проблема кризисных состояний чрезвычайно актуальна как для состояния современного общества, характеризующегося возросшей социальной напряженностью, субъективно переживаемой как ситуация нестабильности, неопределенности и незащищенности, так и для развития психологической науки в целом.

Только в области психологии кризис и кризисные состояния являются предметом исследования таких направлений, как психология личности, клиническая психология, психология развития, педагогическая психология и т.д. Тем не менее многие авторы отмечают, что понятия кризиса и кризисного состояния пока еще не имеют четких дефиниций (О.В. Гладкова, В.В. Бочаров, Э.Б. Карпова, В.В. Козлов, В.А. Чулкова, Л.Н. Юрьева, А.М. Ялов и др.).

Понятие «кризис» происходит от греческого слова *krisis*, буквально означающего «разделение дорог». Китайская пиктограмма слова *кризис* отражает идею кризиса. Она состоит из двух основных радикалов: один изображает *возможность*, другой – *опасность* [7]. Таким образом, слово «кризис» несет в себе оттенок чрезвычайности, угрозы и необходимости в действии. Именно опасность потенцирует поиск выхода из кризисной ситуации, и часто это сопряжено с выходом человека на новый уровень развития, а, следовательно, на новый уровень понимания и новый уровень возможностей преодоления кризисной ситуации.

В зарубежной психологии изначально кризисные состояния рассматривались как состояния, сопровождающие развитие и становление личности (З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер и др.). В дальнейшем кризисные состояния личности исследовались в понятиях травмы, стресса и посттравматического стрессового расстройства.

Для психологов экзистенциально-гуманистического и трансперсонального направления (Р. Ассаджиоли, С. Грофф, А. Маслоу, К. Юнг и др.) характерно понимание кризиса как органической части процесса развития личности. Кризис рассматривается ими в аспекте духовного роста человека. По мнению С. Гроффа, состояние кризиса может быть трудным и

пугающим, но обладает огромным эволюционным и целительным потенциалом, открывает путь к более полной жизни. «Правильно понятый и рассматриваемый в качестве трудной стадии естественного развития духовный кризис может привести к спонтанному исцелению различных эмоциональных и психосоматических расстройств, к благоприятным изменениям личности, к разрешению важных жизненных проблем» [4].

В отечественной психологии проблема кризисов и кризисных состояний долгое время исследовалась в контексте проблем развития и периодизации детства. В дальнейшем кризис и кризисное состояние стали рассматриваться как процессы, сопровождающие этапы становления личности на протяжении всего жизненного пути, прежде всего, связанные с личностным ростом и личностными выборами, в том числе экзистенциального и духовного порядка (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, В.Ф. Василюк, В.В. Козлов, С.Л. Рубинштейн и др.).

Приведем ряд характерных для отечественной психологии определений понятий кризиса и кризисной ситуации.

Ф.Е. Василюк (1984) под кризисом понимает критический момент и поворотный пункт на жизненном пути, сопровождающийся внутренним нарушением эмоционального баланса, наступающим под влиянием угрозы, создаваемой внешними обстоятельствами [2].

Л.Н. Юрьева (1998) рассматривает кризис как неудачную попытку преодоления, под которой понимает реакции на угрожающие проблемы или ситуации. Под кризисным состоянием Л.Н. Юрьева подразумевают временную, ситуационно или внутренне обусловленную дезинтеграцию личности. Эта дезинтеграция может иметь позитивный или негативный исход. Позитивной дезинтеграция является тогда, когда

кризис является неким условием и шагом в новое качество, новый уровень целостности. Негативная дезинтеграция сопровождается деструктивными изменениями личности [10].

И.Г. Малкина-Пых (2004) определяет кризис: 1) как ситуацию невозможности, невозможности дальнейшего существования в прежнем статусе, т.е. такую ситуацию, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей) привычными способами, 2) как внутреннее нарушение эмоционального баланса, наступающее под влиянием угрозы, создаваемой внешними обстоятельствами [7].

В.В. Козлов (2006) дает определение кризиса как естественного (возрастной и экзистенциальный кризис) или искусственного (антропогенное, техногенное, социогенное) препятствия на жизненном пути, преодоление которого невозможно личностью или группой привычными ресурсами. Причем личностный кризис он определяет как психологическое состояние максимальной дезинтеграции (на внутриспсихическом уровне) и дезадаптации (на социально-психологическом уровне) личности, выражающееся в потере основных жизненных ориентиров (ценностей, базовой мотивации, поведенческих паттернов), возникающее в результате препятствий в привычном течении жизни субъекта. Кризисное состояние по В.В. Козлову – это пролонгированный во времени личностный кризис [6].

Вслед за Малкиной-Пых, мы можем определить кризис как ситуацию, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей) привычными способами. Таким образом, кризисное состояние – это состояние эмоционально-поведенческого реагирования в

ситуации кризиса, заключающееся в общей дезорганизации личности и нарушении эмоционального баланса, наступающие под влиянием внешней угрозы или препятствий в привычном течении жизни.

Большинство психологов как отечественных (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, Р.А. Ахмеров, В.Ф. Васильюк, С.Л. Рубинштейн и др.), так и зарубежных (Р. Ассаджиоли, Т. и Э. Йоманс, К. и С. Гроф, Д. Тайарст, К.Г. Юнг, Дж. Якобсон и др.), занимавшихся кризисной психологией, придерживаются мнения о том, что кризис является предпосылкой важнейших личностных изменений, характер которых может быть как положительным (конструктивным, созидательным, интегрирующим), так и негативным (деструктивным, разрушительным, разъединяющим).

Формирование структуры личности тесно связано с понятием возрастного кризиса. Возрастные кризисы (или критические периоды) являются закономерным явлением психического развития.

В отечественной психологии понятие «возрастной кризис» введено Л.С. Выготским, который определил его как целостное изменение личности человека, регулярно возникающее при смене стабильных периодов [3].

Проблему возрастных кризисов и периодизации возрастного развития разрабатывали Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, З. Фрейд, Э. Эриксон, Л. Марчер и др. Практически все периодизации сходятся на существовании следующих этапов развития ребенка: 1) 0-1 год – формирование базового доверия/недоверия к миру; 2) 1-3 года – первичная сепарация от взрослого; 3) 3-6 лет – формирование воли, эмансипация от взрослого, социальные отношения за пределами семьи 4) 7-12 лет – определение места в системе социальных отношений.

К настоящему времени в целом сложилось устойчивое представление о возрасте как определенном этапе развития. Мы можем наблюдать достаточное единодушие по поводу: 1) возрастных рамок различных периодов жизни человека, 2) возрастной ситуации развития как системы отношений между ребенком и социальной средой (значимыми другими), 3) основных характеристик возраста, 4) возрастной стратификации, 4) общего направления и задач развития.

Основными причинами возрастных кризисов, по мнению большинства отечественных учёных, являются обострения основных противоречий: с одной стороны, между возросшими потребностями ребёнка и его всё ещё ограниченными возможностями, а с другой – между новыми потребностями ребёнка и сложившимися ранее отношениями со взрослыми. Эти противоречия рассматриваются как движущие силы развития.

Самые существенные разногласия касаются определения внутреннего источника развития кризиса и критерия, по которому такой внутренний источник определяется. Собственно поэтому в разного рода возрастных периодизациях акцентируются различные стороны возрастного развития. Так, например, в рамках психоанализа Фрейдом была разработана периодизация развития детской сексуальности, Ж. Пиаже предложил возрастную периодизацию интеллектуального развития, опорным представлением периодизации Э. Эриксона послужило представление об эго-идентичности, Л.С. Выготский рассматривал разные уровни включенности ребенка в систему общественных отношений, Л. Марчер говорит о стадиях формирования структуры характера как устойчивого способа эмоционального и поведенческого реагирования и т.д.

Все авторы подчеркивают, что основной характеристикой

возрастного кризиса является противоречие. Но если Л.С. Выготский говорит о противоречии как о движущей силе развития, западная психология в большей степени рассматривает противоречие как некую заданную дуальность, возможность выбора субъектом одной из альтернатив развития (Э. Эриксон, Л. Марчер и др.).

Между тем Л.П. Карсавин в сочинении «Философия истории» (1923) говорит о том, что понятие «развитие» в большинстве случаев смешивают с двумя другими, существенно отличающимися от него понятиями, такими, как «изменение» и «прогресс». По его мнению, понятие «изменение» коренным образом связано с понятием «мены», т.е. обмена. Вопрос о выборе альтернативной позиции в большей степени тяготеет к понятию «изменение», которое может быть прогрессивным или регрессивным (например, периодизация Э. Эриксона). В то время как изменение принципиально отлично от развития, «развитие в противоположность «свитию» означает, собственно говоря, разворачивание, раскрытие чего-то уже потенциально, но только потенциально данного, т.е. актуализацию ранее актуально не бывшего, обогащение бытия и склоняет мысль к отождествлению его с процессом ...». Поскольку мы говорим о развитии душевной жизни, о развитии организма и т.д., то всегда при этом мыслим или воспринимаем некоторое замкнутое в себе целое ... Это целое непрерывно меняется, становится качественно иным, причем становится изнутри, из себя самого, а не путем присоединения к нему чего-то извне. Развитие необходимо предполагает то, что развивается, ибо нет развития без субъекта развития. Равным образом нет субъекта и развития, а есть развивающийся субъект [5: 18-20].

Продолжая линию рассуждений Красавина, мы можем определить кризис как своеобразную реакцию

личности на ситуации, требующие от нее развития, и через развитие - *изменения способа бытия* – изменение способа проживания кризисной ситуации, изменения отношения к себе, другим людям, окружающему миру и основным экзистенциальным проблемам. Можно сказать, что в этом существует определенная схожесть возрастных и экзистенциальных кризисов. Другими словами, возрастные кризисы – это также экзистенциальные кризисы, преодоление которых способствует не только развитию, но и становлению личности, потому что переход на следующую возрастную ступень может приравниваться к новому этапу личностной трансформации.

Таким образом, кризисное состояние личности является маркером о необходимости личностных изменений, о нарабатывании личностного ресурса, либо пересмотра системы привычных отношений.

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С. Степину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности. Это – *классическая* (соответствующая классической науке), *неклассическая* и *постнеклассическая рациональности*.

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными лишь ему основаниями науки, которые позволяют выделить и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). Возникновение нового типа рациональности и образа науки не отрицают, но органично сочетаются с предыдущими научными и методологическими установками.

В.С. Степин, характеризуя типы системных объектов и их гносеологические характеристики, пишет: «Саморазвивающиеся системы важно отличать от простых (механических) и от сложных саморегулирующихся систем. Каждая из них для своего освоения требует особой категориальной сетки. Это – различные понимания части и целого, вещи и процесса, взаимодействия, причинности, пространства и времени.

Для малых систем достаточно полагать, что целое может быть описано свойствами частей и их взаимодействиями ... Причинность трактуется как жесткий лапласовский детерминизм. Пространство и время полагаются как внешнее по отношению к системе, как арена, на которой разыгрываются процессы взаимодействия вещей. Эта категориальная сетка доминировала в механике и была основой механической картины мира».

Сложные саморегулирующиеся системы имеют «уровневую организацию, они включают в свой состав подсистемы со стохастическими взаимодействиями элементов и информационно-управляющий блок, с передачей информации от него к подсистемам и обратными связями, обеспечивающими воспроизводимость системы как целого ... появляется идея системного качества, не сводимого к свойствам частей. ...Лапласовская причинность применяется ограниченно и дополняется идеей «вероятностной причинности». ...Наряду с внешним пространством-временем вводится понятие внутреннего пространства-времени системы...

Развивающиеся системы в качестве своего аспекта включают представления о саморегуляции (гомеостазисе), но не сводятся к ним. Их эволюция связана с *изменением типа саморегуляции, переходом от одного типа гомеостазиса к другому*. Эти системы открытые, обменивающиеся веществом, энергией

и информацией с окружающей средой. Для них характерна *иерархия уровней организации элементов, появление по мере развития новых уровней с новой дифференциацией системы на подсистемы*. При этом каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сформировавшиеся, видоизменяет их, и система функционирует как новое целое. Появление новых уровней организации и переход к новому типу гомеостазиса происходят через состояния динамического хаоса, появление точек бифуркации, в каждой из которых возникает спектр потенциально возможных направлений развития системы. В этом отношении можно сказать, что саморазвивающиеся системы обязательно обладают синергетическими характеристиками» [8].

Если проблему возрастных и личностных кризисов рассмотреть в категориях постнеклассической рациональности, (психика как саморазвивающаяся система), то к принципам возрастного развития применимы идеи синергетики. Так, например, возрастные (и личностные) кризисы развития могут рассматриваться как состояния динамического хаоса, появление точек бифуркации, в каждой из которых возникает спектр потенциально возможных направлений развития системы, и переход от одного типа гомеостазиса к другому (возрастные этапы развития). Причем каждый следующий этап развития характеризуется появлением новых уровней с новой дифференциацией системы на подсистемы (например, по Выготскому, появление новообразований и переход к следующему возрастному этапу, по Э. Эриксону - переход от одной формы самоидентичности к другой). То, что в диалектике традиционно обозначалось как «скачок», «перерыв постепенности» (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.), связанный с возникновением нового качества, в синергетике раскрывается

через характеристики динамического хаоса, возникновение странных аттракторов и кооперативных эффектов.

В.С. Степин говорит о том, что недостаточно зафиксировать наличие особого свойства целого, не сводимого к свойствам частей (системное качество), в рамках нашей статьи – это возрастной этап и его характеристики, – необходимо добавить идею изменения системного качества (появление новых управляющих параметров) в процессе развития системы.

Если отнести это положение к проблеме возрастных кризисов развития, такое системное качество, обуславливающих переход к следующему возрастному этапу, следует искать не только во внешних детерминантах типа организм – среда (подход, характерный для неклассического типа рациональности, парадигма «субъект-объект»), но и во внутриличностном пространстве психики как саморазвивающейся системы.

Если рассматривать динамику возрастного развития с точки зрения расширения бытийности личности по мере прохождения стадий развития, в таком развитии личность осваивает позиции в отношениях Я – Мир (досознательный уровень, базовое доверие – недоверие к Миру), Я – Ты (предсознательный уровень, доверие – недоверие к Другому), Я – Они (сознательный уровень, доверие – недоверие к социуму). По мере прохождения стадий развития личностью осваиваются различные позиции в отношениях – доминантная, пассивная, либо здоровая, адекватная теме возраста. Период, когда личность осваивает новую позицию в системе отношений, можно считать кризисным. Причем осваивание новой позиции может проходить в рамках возрастного развития, или же, значительно позднее, когда освоенная позиция, например, позиция жесткого доминирования, перестает

быть эффективной или, более того, становится разрушительной в тех отношениях, которые для человека являются значимыми.

Освоенные в онтогенезе позиции в отношениях встраиваются в структуру личности и впоследствии начинают существовать и функционировать на правах значимых частей личности.

О формировании устойчивых поведенческих моделей в результате прохождения возрастных стадий развития говорили Э. Эриксон и Л. Марчер. Марчер считала, что структура характера, сформировавшаяся в определенный период развития, закрепляется как устойчивый характерологический признак, и служит основой поведения во взрослой жизни [1].

В кризисных периодах развития ребенок сталкивается с проблемой осваивания новой системы отношений и определения своего места или своей позиции в этих отношениях. Часто кризисы развития сопровождаются борьбой ребенка за право получения нового социального статуса. При кризисе 1-го года, например, это право на первичную сепарацию от матери. Д.Б. Эльконин пишет: «... В процессе развития у ребенка появляется нечто, взрывающее под влиянием общения изнутри самое общение. Ребенок становится на ноги. В результате расширяется его пространство, он может передвигаться в нем, сам подползти и взять какой-либо предмет. Потребность в непосредственно-эмоциональном общении со взрослыми должна уменьшаться. Рождается жест, который означает: «Дай!», затем он начинает сопровождаться словом, потом остается только слово. Наконец, возникает ходьба. *Ситуация слитности ребенка и взрослого разрывается изнутри. Появляются двое.* В этом заключается суть кризиса первого года...» [9: 50].

Движущей силой развития кризисной ситуации в этом случае является не только внешнее

противоречие «индивид – среда», и не только внутренняя потребность ребенка занять новое положение в системе личных или общественных отношений, но и внутриличностное противоречие, которое мы назвали «внутриличностным диспозиционным образованием».

Мы предположили, что в ситуации внешней угрозы (в приведенном примере – это угроза контроля), во внутреннем пространстве психики образуется как минимум две полярно окрашенных позиции по типу агрессор – жертва. Одна позиция присваивается, воспринимается как «своя», другая проецируется на внешний мир. Мы назвали этот феномен внутриличностным диспозиционным образованием. Диспозиция «работает» одновременно как реакция на угрозу и как способ распознавания угрозы. Полюса диспозиции, по сути, оппозиции, полярно эмоционально окрашены, имеют полярные цели, мотивации, когниции, установки и т.п. Основной эмоциональной характеристикой активного полюса является агрессия, пассивного полюса – страх, который может сопровождаться реакциями сопротивления, саботажа. Мы предполагаем, что человек проживает сразу обе позиции, одну в форме идентификации, другую – в форме проекции. Характерным качеством диспозиции является ее диалектическая природа.

Когда критический период развития пройден, один из полюсов диспозиции может трансформироваться в *возрастное характерологическое новообразование*, как устойчивый эмоционально-поведенческий механизм реагирования на угрозу по рефлекторному типу. В этом случае и самовосприятие, и восприятие партнера будут искажены призмой диспозиционной реакции.

На взаимоисключающее единство полярных эмоций как сущностную характеристику динамики эмоциональных процессов обратили внимание психологи Р. Соломон

и Д. Корбит [11]. Они разработали теорию оппозиционного процесса об индукционном механизме возникновения противоположных по знаку эмоций, в соответствии с которой активация позитивного аффекта косвенно активирует противоположный этой эмоции негативный аффект. И наоборот, негативный аффект активирует позитивный аффект. Это косвенно подтверждает идею о диспозиционном реагировании в ситуации угрозы.

Пока сохраняется диспозиционная реакция как реакция на угрозу человек всегда будет испытывать определенный дискомфорт в виде осознаваемого или неосознанного напряжения или тревожного фона настроения.

С точки зрения диспозиции, можно с легкостью предсказать эмоционально-поведенческие реакции личности в ситуации угрозы или в ситуации, воспринимаемой как угрожающая. А именно: как человек воспринимает себя (сильный или слабый полюс диспозиции), как воспринимает партнера (проекция противоположного полюса диспозиции), какой будет динамика отношений (реализуется линия, связанная с диалектическим противоборством полюсов диспозиции).

Диспозиционный конфликт разрешается в том случае, если оба полюса диспозиции присваиваются человеком, и он перестает ощущать себя бессильным в нашем примере, не имеющим автономии. Происходит интеграция полюсов диспозиции, личность в своем становлении приобретает возможность строить отношения, признавая свое право на автономию и такое же право на автономию другого. Диспозиционность стрессового реагирования в силу диалектической природы эмоционального реагирования на угрозу всегда будет иметь место. Но в случае здоровой реакции диспозиция теряет взрывную силу оппозиции. Ребенок, прошедший кризисную ситуацию развития и

сумевший интегрировать полюса диспозиции, во взрослой жизни будет более гармоничен и свободен в построении значимых отношений, в выборе и реализации жизненного пути.

Таким образом:

1. Мы (вслед за И.Г. Малкиной-Пых) можем определить кризис как ситуацию, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей) привычными способами. Таким образом, кризисное состояние – это состояние эмоционально-поведенческого реагирования в ситуации кризиса, заключающееся в общей дезорганизации личности и нарушении эмоционального баланса, наступающие под влиянием внешней / внутренней угрозы или препятствий в привычном течении жизни.

2. Кризисное состояние является ответом на угрозу, которая переживается как стрессовое (кризисное) состояние в силу недостаточности личностного ресурса для ее преодоления и сопровождается эмоциональным дисбалансом.

3. Кризисное состояние является маркером о необходимости личностных изменений, наращивании личностного ресурса либо пересмотра системы привычных отношений.

4. Возрастные кризисы связаны с необходимостью возрастного развития, когда ребенок входит в новый возрастной этап, связанный с новой системой отношений.

5. Возрастной кризис связан с освоением новой позиции в системе отношений, которая по завершении возрастного этапа может трансформироваться в характерологическое новообразование.

6. Осваивание новой позиции в отношениях может проходить и в более позднем возрасте, когда освоенная позиция, например, позиция жесткого доминирования, перестает быть эффективной или, более

того, становится разрушительной в тех отношениях, которые для человека являются значимыми.

7. Кризисное состояние содержит в себе возможность перехода

на новый уровень организации личности в силу диалектической природы эмоционально-поведенческого реагирования в кризисной ситуации как ситуации, связанной с угрозой.

Примечания:

1. Бернхард П., Бентцен М., Исаакс А. Пробуждение телесного Эго. Ч. 2 // Телесная психотерапия. Бодинамика / под ред. В.Б. Березкина-Орлова М.: Аст Москва, 2010. С. 111-165.

2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 111-165.

4. Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти / пер. с англ. А.И. Неклесса. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. 246 с.

5. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. 350 с.

6. Козлов В.В. Кризис как предмет психологической работы // Седьмая волна психологии: межвуз. научн. сб. Вып. 1 / под ред. В. Козлова Н. Качановой. Ярославль; Минск: Изд-во МАПН: Изд-во ЯрГУ, 2006. С. 5-13.

7. Малкина-Пых И.Г. Возрастные кризисы: справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2004. 554 с.

8. Степин В.С. О философских основаниях синергетики // Синергетика: будущее мира и России / под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: ЛКИ, 2008. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/o-filosofskix-osnovaniyax-sinergetiki-v-s-tepin/> (дата обращения: 23.10. 2015).

9. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах / под редакцией Д.И. Фельдштейна. М.; Воронеж: Изд-во ИПП: МОДЭЖ, 1997. 416 с. Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/epr-1997/EPR-0011.htm> (дата обращения 9.01.2016).

10. Юрьева Л.Н. Кризисные состояния. Днепропетровск: Арт-пресс, 1998. 156 с.

11. Solomon R.L., Corbit J.D. An opponent process theory of motivation // Psychological Review. 1974. Vol. 81. P. 119-145.

References:

1. Bernhard P., M. Bentzen, Isaacs A. Wakening of body ego. Part 2 // Body psychotherapy. Bodydynamic / ed. by V.B. Beryozkin-Orlov. M.: Ast Moscow, 2010. P. 111-165.

2. Vasilyuk F.E. Psychology of feelings. M.: Moscow University publishing house, 1984. 200 pp.

3. Vygotsky L.S. The historical meaning of psychological crisis // L.S. Vygotsky Collected Works: in 6 vol. Vol. 1. Problems of theory and history of Psychology / ed. by A.R. Luriya, M.G. Yaroshevsky. M.: Pedagogika, 1982. P. 111-165.

4. Grof S., Halifax J. The Human Encounter with Death / transl. from English by A.I. Nekless. M.: Publishing house of the Transpersonal Institute, 1996. 246 pp.

5. Karsavin L.P. Philosophy of history. SPb.: Komplekt, 1993. 350 pp.

6. Kozlov V.V. Crisis as an object of psychological work // The seventh wave of psychology: interuniversity scient. coll. Iss. 1 / ed. by V. Kozlov, N. Kachanova. Yaroslavl; Minsk: MAPN publishing house: YarSU publishing house, 2006, P. 5-13.

7. Malkina-Pykh I.G. Age crises: a handbook of the practical psychologist. M.: Eksmo, 2004. 554 pp.

8. Styopin V.S On philosophical grounds of Synergetics // Synergetics: the future of the world and Russia / ed. by G.G. Malinetsky. M.: LKI, 2008. URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/o-filosofskix-osnovaniyax-sinergetiki-v-s-stepin/> (reference date: 2015 23.10.).

9. Elkonin D.B. Mental development in childhood / ed. by D.I. Feldstein. M.; Voronezh: IPP publishing house: MODEK, 1997. 416 pp. Access: <http://psychlib.ru/mgppu/epr-1997/EPR-0011.htm> (reference date 09/01/2016).

10. Yuryeva L.N. Crisis conditions. Dnepropetrovsk: Art-press, 1998. 156 pp.

11. Solomon R.L., Corbit J.D. An opponent process theory of motivation // Psychological Review. 1974. Vol. 81. P. 119-145.